

Михаил Лермонтов **Первая ссылка на Кавказ 1837 г.**

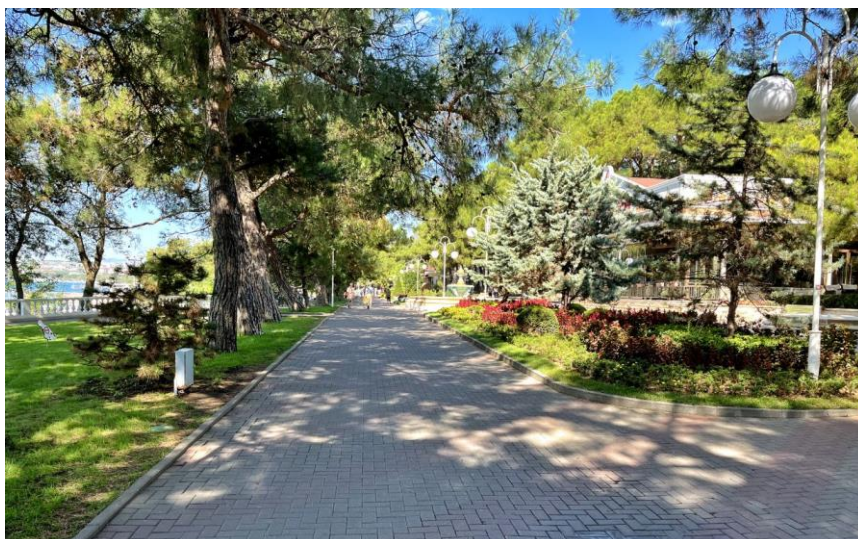
15 октября (по новому стилю) 2024 г. наша страна отмечает 210-летнюю годовщину со дня рождения великого русского поэта, певца Кавказа Михаила Юрьевича Лермонтова. Это имя бесконечно дорого нам, геленджичанам. Замечательный памятник поэту в центре города на набережной, знаменитый Лермонтовский бульвар, Лермонтовский мостик (утраченный в 1960-е гг.) тому подтверждение.

Лермонтовский мостик, место встречи влюбленных
нескольких поколений.
Геленджик, нач. XX в.

Памятник М. Ю. Лермонтову, Геленджик, 1960-е гг.

Лермонтовский бульвар,
заложенный первыми дачниками
Геленджика в нач. XX в. 2024 г.

Сегодня в честь юбилея поэта мы постараемся, по возможности, реконструировать события 187-летней давности, начавшиеся с того времени, когда в феврале 1837 года в результате тяжелого ранения на дуэли погиб великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. Смерть Пушкина потрясла Михаила Лермонтова, тогда еще мало известного поэта. За несколько дней он написал стихотворение «Смерть поэта», моментально разошедшееся в рукописях и вызвавшее настоящую бурю в светском обществе. Последовал арест, судебное разбирательство и ссылка на Кавказ, где в это время шла кровопролитная Кавказская война.

Стихотворение «Смерть поэта» явило российской публике Лермонтова во всей силе его поэтического таланта.

Юнкер М. Лермонтов.

Юнкер М. Лермонтов.
Художник А. Бильдерлинг, 1834 г.

Кавказский маршрут Лермонтова в пору его первой ссылки (апрель-сентябрь 1837 г.) остается проблемой, до конца не разрешенной многими исследователями. Накопленные за многие годы документальные материалы весьма разноречивы. Между тем, участие Лермонтова в экспедиции 1837 года генерала Алексея Александровича Вельяминова, на любом её этапе, связано с вопросом его пребывания в Геленджике. Здесь толкования исследователей порой взаимно исключают друг друга.

На основании документов, на первый взгляд достоверных, известно, что 31 мая Лермонтов в Пятигорске пишет письмо М. А. Лопухиной, в начале июля поэта в Пятигорске видел В. Д. Вольховский, начальник штаба отдельного Кавказского корпуса, о чем он написал в письме родственнику Лермонтова генералу А. И. Философову. 18 июля Лермонтов из Пятигорска пишет письмо бабушке, Е. А. Арсеньевой. В письме своему другу С. А. Раевскому, написанному в сентябре этого же 1837 года, поэт сообщает: «...Я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два - три выстрела...»

Начнём с вышеупомянутых писем. Аргументация, основанная на них, далеко не бесспорна. Автографа письма Лермонтова Святославу Раевскому не существует, нет и копии, а текст воспроизведен по воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, причем рукопись их так же не сохранилась. Что касается писем Лермонтова Марии Александровне Лопухиной и Елизавете Алексеевне Арсеньевой, в которых поэт сообщает, что по выздоровлении собирается присоединиться к эскадрону своего полка в Анапе, то на их автографах не указаны ни место, ни время их написания — они датированы исследователями по содержащимся в них указаниям на близкий отъезд Николая I на Кавказ.

Особый интерес в этом плане представляет письмо Владимира Дмитриевича Вольховского (товарищ Пушкина по Царскосельскому лицей) А. И. Философову, которое имеет смысл привести полностью: «Письмо твое, любезнейший и почтеннейший Алексей Илларионович, от 19 мая получил я только в начале июля в Пятигорске и вместе с ним нашел там молодого родственника твоего Лермонтова. Не нужно тебе говорить, что я готов и рад содействовать добрым твоим намерениям насчет его: кто не был молод и неопытен! На первый случай скажу, что он по желанию генерала Петрова (начальник штаба войск Кавказской линии), тоже родственника твоего, командирован за Кубань в отряд генерала Вельяминова: два - три месяца экспедиции против горцев могут быть ему небесполезны: это предеятельное прохладительное средство, а сверх того, лучший способ заглушить проступок. Государь так милостив, что ни одно отличие не останется без внимания его...».

В воспоминаниях участников экспедиции генерала Вельяминова имя Лермонтова не упоминается, как, впрочем, и многих других офицеров вельяминовского отряда, численность которого составляла около 12000 человек. Авторы мемуаров могли попросту с ним не встретиться, да и он мог — допустим такую возможность — принимать участие в боевых действиях только на отдельных участках экспедиции. Следует иметь в виду, что в 1837 году поэт Лермонтов был еще мало известен в кругу офицерства, афишировать свое

авторство стихотворения «Смерть поэта» он, по понятным причинам, вряд ли стремился.

Некоторые указания на маршрут Лермонтова содержит его повесть «Тамань», однако отождествлять маршрут Печорина с маршрутом автора произведения безусловно нельзя.

Лермонтов, корнет лейб-гвардии гусарского полка.
Художник П. Заблотский, январь 1837 г.

Отдельные авторы, исключая саму возможность участия Лермонтова в экспедиции Вельяминова в 1837 году (а, следовательно, и его пребывания в Геленджике), с некоторым разночтением сходятся в следующем: Лермонтов, высланный из столицы и назначенный в Нижегородский драгунский полк в составе Кавказской армии, а затем в экспедицию Вельяминова, по болезни четыре месяца (с мая по сентябрь) находился на лечении в Пятигорске. Только в конце сентября, пропустив царский смотр в Геленджике, он прибывает в отряд генерала Вельяминова, расквартированный в Ольгинском укреплении, а затем следует в свой полк в Карагач (Грузия), а оттуда на царский смотр в Тифлис...

Сторонники участия Лермонтова в экспедиции 1837 года П. А. Висковатый (первый биограф Лермонтова), А. В. Попов (ученый - литературовед) и другие основываются на таких серьезных документах, как послужные списки (формуляры) Лермонтова. В одном них: «1837 года находился в экспедиции за Кубанью под начальством генерал-лейтенанта Вельяминова, в

каких же походах неизвестно». В послужном списке, составленном в штабе Тенгинского полка в 1840 году, когда Лермонтова представляли к награде за сражение под Валериком (1840 г.), указано: «1837 года с 21 апреля в экспедиции для продолжения береговой укрепленной линии на восточном берегу Черного моря от крепости Геленджика до устья реки Вулана в бывших во время оных перестрелках под командою генерал-майора Штейбена при конвоировании транспортов из Ольгинского Тет-де-пона в Абинское укрепление и обратно, апреля 29 близ Абина под командою командующего войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанта Вельяминова, 2-го (мая) при следовании отряда из Ольгинского Тет-де-пона к крепости Геленджику... мая 23-го у перевала Вордобуй, 24-го на реке Дуаб, 25-го на речке Пшад и бывших фуражировках около сей речки, мая 29-го, июня 2-го, 5-го и 22-го в деле при сожжении контрабандных турецких суден на речке Шапсухо, под командою капитана 1-го ранга Серебрякова при движении из Новотроицкого укрепления к речке Вулан; июня 14-го при построении Михайловского укрепления во время фуражировок на речке Вулан; июля 31-го, августа 2-го, 23-го, 26-го при возвращении к крепости Геленджик; сентября 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го при следовании к берегам реки Кубани и в бывших перестрелках с 25-го по 29-го числа того же месяца».

Достоверность именно этих записей и подвергается сомнению исследователей, считающих, что это сознательная фальсификация «доброжелателей» поэта, с целью получения «высочайшего прощения».

В 1980-е годы ведущий археолог Геленджикского историко-краеведческого музея Михаил Георгиевич Минеев, досконально изучивший этот вопрос, в своем блестящем исследовании писал: «Вообще, подобные приписки в послужном списке представляются мне делом невозможным, тем более, что со времени похода Вельяминова прошло всего три года, а значит, были живы и продолжили службу в Геленджикском полку многие офицеры, участвовавшие в экспедиции 1837 года. Любой из них мог уличить командира полка в составлении фальшивки, не говоря уж о самом царе. И, зная характер Николая I, легко представить, как бы в том случае развивались события... Что касается самой возможности фальсификации послужного списка Лермонтова, то Николай I мог бы спокойно подписаться под словами кайзера Вильгельма II: «Это на моей службе вещь неслыханная...».

Вспомним, что еще в октябре 1837 года Лермонтов был прощен царем и возвращен в гвардию. Очевидно, в глазах царя, не склонного к жалости за проступки, подобные свершенному Лермонтовым, он заслужил прощение ничем иным, как участием в боевом походе генерала Вельяминова, поскольку других заслуг за ним просто не числилось...»

Судя по всему, мы понимаем, что в период первой ссылки на Кавказ (1837 г.), впрочем, как и второй (1840, 1841 гг.) Лермонтов пользовался благосклонностью военачальников, служивших на Кавказе, которые, в основном, были родственниками поэта. Поэтому отлучки из воинской части, и неоднократные, были вполне в характере самого Лермонтова.

Вероятно, это происходило и во время службы в отряде генерала

Вельяминова, когда Лермонтов, отлучаясь из отряда, летом 1837 года был в Ставрополе и Пятигорске. Путь из Геленджика в Ставрополь и Пятигорск неблизкий, более 500 верст. Кроме того, нужно понимать, что речь идет о событиях 187-летней давности, с учетом и состояния тогдашних дорог, и средств передвижения.

Известно, что в 1837 году между Геленджиком и другими строящимися укреплениями Черноморской береговой линии существовало довольно-таки регулярное морское сообщение. Стало быть, Лермонтов без особого труда мог попасть морем из Геленджика в Тамань. Далее путь прапорщика Михаила Лермонтова лежал по высокому правому берегу реки Кубань от Тамани до Екатеринодара по так называемому Таманскому шляху, заложенному еще в 1778 году «рабочей армией» Суворова. Затем от Екатеринодара до Ставрополя и Пятигорска по дороге, именуемой Ставропольским (Черноморским) трактом, отмеченным еще в 1808 году в атласе Российской империи с указанием главных почтовых дорог. Ставропольский тракт выполнял стратегические функции почтовой, торговой и военной дороги, по которой в любую погоду спешили на Кавказ к театру боевых действий солдаты, офицеры с рапортами и донесениями, шла с оказиями почта, держали путь на «Горячие воды» отпускники, чиновники, путешественники...

Вот такая история, связанная с именем великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, в которой есть место и для размышлений, и для дальнейшего исследования.

*Зиновьева Т.А.,
заведующий отделом истории и природы
МБУК «Геленджикский историко-краеведческий музей»*